

Peter Pomerantsev

Nothing is true and everything is possible

The surreal heart of the New Russia

New York: Public Affairs, 2014

Anne Garrels

Putin country

A journey into the Real Russia

New York: Farrar Straus, and Giroux, 2016

Мучительное стремление проникнуть в суть “настоящей” России существовало во все времена. Из-за обширной топографии России, ее этнической мозаики, разнообразия культур и конфессий подобные попытки нередко остаются чисто умозрительными. Передать суть “настоящей” России невозможно без того, чтобы определить, что такое сама Россия, а это требует большой отваги. Тем не менее таких смельчаков было немало. Начиная с XV века путешественники пытались дать определение России для собственных соотечественников; так возникла обширная этнография, которая нередко сосредоточивалась на “варварском” и не замечала повседневного. Многим путешественникам Россия представлялась чем-то промежуточным. Не сказать, чтобы она была окончательно отсталой, но и вполне современной ее не назовешь.

В 80-е годы XVIII века граф Луи-Филипп де Сегюр говорил, что Санкт-Петербург, российское “окно в Европу”, “представляет уму двойственное зрелище: здесь в одно время встречаешь просвещение и варварство, сле-

ды десятого и восемнадцатого веков, Азию и Европу, скифов и европейцев, блестящее гордое дворянство и невежественную толпу”. Европейскому путешественнику Россия виделась страной как будто европейской, но как-то не совсем. Поиск “настоящего” внутри парадоксальной сущности России продолжается и теперь, но что такое это “настоящее” собственно в российском контексте? Многие европейские путешественники, и прежде, и теперь, считают, что “настоящее” — это “российский народ”, который они противопоставляют репрессивному российскому государству и коррумпированным чиновникам; или же что “настоящую” Россию надо искать где-то в сельской местности, за пределами двух столиц — Петербурга и Москвы. Кроме того, нередко можно встретить утверждение, будто “настоящая” Россия скрыта за современными фасадами столиц, ее образ искажен машиной государственной пропаганды, ее голос неразличим в наблюдениях иностранцев, которые руководствуются собственными фантазиями и личными интересами. В последнее время

представление о “реальной” России испытывает на себе влияние постмодернизма, в котором нет места большим нарративам, отчего жизнь в ней обретает все более “сюрреалистический” характер.

Вопрос о “настоящей России” становится все более актуальным по мере того, как нарастает конфронтация между Россией и “Западом”. Иностранцам крайне сложно разобраться в феномене популярности Путина и вскрыть тайные механизмы его режима. Две недавно вышедшие книги — “Страна Путина: путешествие в настоящую Россию” Энн Гаррелс и “Все неправда, и все возможно: сюрреалистическая сущность новой России” Петра Померанцева — обе, каждая по-своему, пытаются найти “настоящую” Россию. Гаррелс хочет понять отношение россиян к Путину и путинизму, двигаясь “снизу вверх”. Она рисует портреты “настоящих русских” и рассказывает об их реальных проблемах. Померанцев старается не копать слишком глубоко, поскольку считает, что путинская Россия подобна сюрреалистической картине, где каждая завеса скрывает за собой лишь новую. Его действующие лица — это актеры в большом реалити-шоу.

Несмотря на то, что попытки докопаться до “настоящей” России часто оказываются бесплодными, Гаррелс и Померанцеву все же удалось создать описание бурного периода российской истории, и, хотя авторы смотрят на него с разных позиций, из их нарративов можно многое почерпнуть. Если одновременно проанализировать оба, в них можно обнаружить выводы о постсоветском мире, которые сами авторы, возможно, не имели в виду. Вопрос не в том, что есть “настоящее” и в чем заключена “суть” этой новой России. Интересно скорее то, как в постмодерном контексте новый постсоветский человек предстает как человек с раздробленной идентичностью, находящийся в непрестанном поиске нового ключевого нарратива.

В поисках настоящей России

Энн Гаррелс — многолетняя сотрудница National Public Radio. В 1982 году, когда она

работала репортером NBC News, ее выслали из Советского Союза. Она хорошо знакома с раздробленными обществами. Ее репортерский послужной список включает в себя освещение горячих точек по всему миру: Чечня, Босния, Косово, Афганистан, Пакистан, Израиль и Западный берег реки Иордан. Основная часть репортерской работы Гаррелс пришлось на Россию, где она находилась на протяжении большей части 1990-х и в середине 2010-х годов. В “Стране Путина” Гаррелс старается уйти от шаблона, характерного для книг о “новой” России. Она стремится предложить читателю вид “с нижнего этажа”, чтобы помочь ему понять истоки и механизмы повседневности в путинской России. Для этой цели Гаррелс решила найти “место, сильно удаленное от столичной Кольцевой дороги”. После некоторых раздумий она положила на судьбу и метнула заточенный карандаш в огромную карту России. Карандаш случайным образом попал в Челябинск, и таким образом в середине бурных 1990-х годов, как пишет Гаррелс, она оказалась тесно связана с этим городом. Челябинску, расположенному далеко от Москвы, было суждено стать ее “вторым домом”.

И все же, написанная как рассказ о России за пределами Москвы, “Страна Путина” на самом деле так и не выходит за ее границы. В конце концов, название книги — “страна Путина” (и Путин часто становится здесь Главным Означающим), а не “Страна Челябинск”. Периферия в тексте Гаррелс не может преодолеть силу притяжения центра. Москва втягивает в свои политические рамки повседневную жизнь даже тех людей, которые живут в 1800 км от нее. И здесь мы сталкиваемся с одной из фундаментальных проблем образа “настоящей” России — из-за того, что текст “сползает” к центру, специфика периферии остается без внимания. В результате у читателя возникает вопрос: насколько изменился бы нарратив Гаррелс, если бы ее карандаш попал в другую точку на той огромной карте?

В отличие от Гаррелс, Петр Померанцев — выходец из диссидентско-эмигрантской среды. Он сын поэта и журналиста Игоря Померанцева, уехавшего из Советского Союза в 1978 году вместе с женой и новорожденным

Петром. Померанцев-сын занимается документальным телевидением. В 2006 году он отправился применять свой опыт в Москве и стал работать на ТНТ, стильном развлекательном канале российского телевидения, ярко сиявшем в золотые дни путинского режима.

Померанцев остро ощущает, что в стране, где он родился, он не может быть вполне своим. Он свободно владеет “бытовым русским языком эмигрантов”, но при этом все же остается “внешним наблюдателем”, который хочет поближе познакомиться со страной. Несмотря на свое русское происхождение, для своих русских собеседников он не “Петр”, а “Питер” (на его слух это звучит как Piiitrrr). Кроме того, Россия таит в себе обаяние экзотики. Для Померанцева Лондон был “слишком размеренным” и “предсказуемым”, а жизнь его эмигрантской семьи была уж очень “спокойной”. Напротив, “настоящие русские выглядели по-настоящему живыми”, и в России возникало чувство, что “возможно все”. В самом деле, в середине 2000-х казалось, что для Пииитррра возможно все, поскольку “магические слова «я из Лондона» действовали, как «Сезам, откройся!»”. В те головокружительные времена “западный человек” все еще мог рассчитывать, что принадлежность к западной цивилизации откроет ему путь в азиатские сокровищницы.

Последний пункт представляется важным, поскольку весь текст Померанцева окрашен экзотичностью. Несмотря на то, что в основном автор описывает специфический московский круг, состоящий из тех, кто мечтает стать знаменитостью, эти гламурные и одновременно трагические персонажи помогают понять суть “новой” России. Путешествие Померанцева приводит его в самое сердце тьмы, заполненное гангстерами и золотоискателями, отчего его книга, несмотря на целый ряд содержащихся в тексте пронизательных наблюдений, читается как этнографическое произведение в духе путешественников, приезжавших в Россию в XV веке. В конце концов главным в книге оказывается экзотика. Даже о смерти можно рассказать только в жанре мелодрамы.

В поисках метанарратива

И все же как для Гаррелс, так и для Померанцева фоном остается Россия, несущаяся в стремительном потоке изменений. После краха Советского Союза ударная волна прокатилась по всему политическому, культурному и экономическому ландшафту Евразии. Отзвуки этой волны дают о себе знать даже четверть века спустя. 1990-е годы стали в России новым “смутным временем”. Экономика обрушилась, инфляция взлетела, увеличилась смертность, рухнула система социального обеспечения, выросла безработица, расцвело беззаконие — и это еще не полный список общественных потрясений. С точки зрения советского послевоенного поколения, эти невзгоды словно отбрасывали страну в прошлое. Мишель Парсонс в своей книге “Ненужная смерть: культурный контекст российского кризиса смертности”¹ цитирует одну из респонденток, которая говорит, что хаос 1990-х годов ощущался как возвращение войны: “Для Людмилы шоковая терапия в экономике создавала ощущение, будто она вернулась в Россию, разоренную войной. В каком-то ужасном смысле ей казалось, что бедность времен ее молодости и бедность начала 1990-х слились воедино. Тридцать пять лет ее жизни, с девятнадцати лет, когда она начала работать на механическом заводе, до пятидесяти пяти лет, когда распался Советский Союз, словно куда-то исчезли”. Когда в 2005 году Путин сказал, что “распад Советского Союза — крупнейшая геополитическая катастрофа XX века”, многие россияне согласились с ним и продолжают так думать до сих пор.

Влияние распада Советского Союза и становления “новой” России на российскую идентичность, возможно, до сих пор остается не до конца осмысленным. Исчезли не только советская экономика и политическая система, но и этнические основы советского общества. Дуалистичное общественно-личное “я”, которое служило опорой позднего социализма,

¹ См. рецензию на эту книгу GESSEN M. *The Dying Russians* // The New York Review of Books. 2014. September 2nd. URL: <http://www.nybooks.com/daily/2014/09/02/dying-russians/> (доступ 03.12.2016).

разбилось на множество маленьких кусков, и многие из этих кусочков теперь не имели собственного нарратива. Люди, населяющие Россию, оказались фрагментированным множеством в пространстве между двумя полюсами: ретроградным homo sovieticus и “новым русским”, который находился в процессе становления. Гаррелс демонстрирует этот переход на примере встраивания в русский лексикон новых иностранных слов, таких как “бизнес-ланч”, “таунхаус” или “коттедж”. Это не просто заимствованные иностранные слова — это обозначения новых сущностей.

Во многих отношениях как “Страна Путина”, так и “Все неправда, все возможно” — это хроники распада и восстановления субъектности. После 1991 года российский человек стал никем, или оказался в растерянности, или и то, и другое вместе. “Советский Союз исчез, — пишет Померанцев. — Каждый, кто раньше был кем-то, теперь вдруг стал никем”. Гаррелс приводит слова Татьяны о ее сыне Коле: “Все ценности, с которыми я выросла... были внезапно обесценены... Я была так же сбита с толку, как и он”. Персонажи, заполняющие страницы обеих книг, — это попытки найти и выстроить новые значения “я”. В самом сердце настоящей России находится субъект, переживающий непрерывные трансформации.

Существует тесная связь между революцией и трансформацией. Ученые показали, что переход от одной системы к другой сопровождается аналогичной трансформацией, происходящей внутри личности. Французская и русская революции породили новую лексику, манеру поведения, одежду, символы, а также новую идентичность. Обе революции ставили своей целью создание нового человека. Максимилиан Робеспьер утверждал Республику Добродетели как основу для формирования постреволюционной личности — светской, обладающей гражданскими добродетелями. В Советском Союзе “новый советский человек” должен был стать образцом для человека будущей коммунистической эпохи.

Развал Советского Союза не предлагал подобного проекта, и показательно, что произошедшее в 1991-м году называют “развалом”, а не “революцией”.

Постсоветское время обращено назад, а не вперед. Конечно, в России есть те, кто придерживается либеральных взглядов, но даже на примере некоторых персонажей Гаррелс видно, что новые российские либералы представляют собой что-то вроде тайного сообщества, подвергающегося постоянным нападениям, — особенно в таком провинциальном городе, как Челябинск.

Поскольку советское “я” было предано анафеме и опорочено презрительным наименованием “совок”, россияне должны были сами справиться с множеством “я”, которые предлагала им постмодерная эпоха. Неудивительно, что в 1990-х и в начале 2000-х годов в России возникло множество прорицателей, глашатаев, возвещающих конец света, новых пророков и культов. Многие россияне были готовы к обращению в новую веру, и многие в самом деле пережили трансформацию. Западные проповедники тоже воспользовались этим, и подавляемые в СССР религиозные течения — протестантизм, Свидетели Иеговы, мормоны и Адвентисты седьмого дня — быстро нашли новых адептов. Но были и другие возможности обрести новую идентичность. Как Гаррелс, так и Померанцев перечисляют не только культы — они приводят длинный перечень тех, кто так или иначе пересек некую границу: провинциальные девушки становятся моделями крупнейших международных агентств, комсомольцы превращаются в олигархов, домохозяйки — в предпринимателей, гетеросексуалы оказываются гомосексуалами, гангстеры — режиссерами авторского кино, а государственные чиновники — авторами антиутопий. Эпоха постмодерна принесла с собой нескончаемый поток предметов потребления: машины, моду, “Мерседес”, фитнес всех сортов, танцевальные клубы, наркотики, гангста-рэп и телевизионный гламур.

Так в чем же “настоящая” суть новой России? Есть нечто привлекательное в идее Померанцева о том, что вся Россия — это большое реалити-шоу. Многие реалити-шоу так или иначе повествуют о трансформации личности. Но было бы упрощением считать, что именно этот концепт лежит в основании путинского режима. “Настоящее” было вытеснено уже давно, и на протяжении последних

десятилетий игровые симулякры стали привычным фоном жизни позднекапиталистического общества. Особенностью России является то, что с развалом СССР плотину прорвало, и поток затопил раздробленное общество.

Возникает вопрос, что делать с Путиным. В конце концов, книга Гаррелс написана о стране Путина. Стоит отметить, что для ее собеседников Путин олицетворяет собой “стабильность”, и здесь стабильность больше чем просто экономический фактор — в фигуре Путина заключен новый метанарратив. Показательно то, что в последние пять лет Путин все большее внимание уделял статусу России как великой державы, государственной и на-

циональной идентичности, истории и другим лекарствам для разбитой национальной души. В этом смысле, возможно, Гаррелс и Померанцев говорят о сегодняшней России, но также и той, что была раньше, — и мы наблюдаем не только закат раздробленной идентичности человека постсоветской эпохи, но и рождение новой, собственно российской идентичности.

Шон Гиллори